

УДК 821.161.1 Лермонтов-94

М. А. Алексеева

РАЗМЫШЛЕНИЯ ПО ПОВОДУ «ПРЕДЪЮБИЛЕЙНЫХ» БИОГРАФИЙ М. Ю. ЛЕРМОНТОВА

В статье дан обзор жизнеописаний М. Ю. Лермонтова, изданных накануне юбилея поэта. В центре внимания — своеобразие интерпретаций ключевых событий творческого и жизненного пути классика. Охарактеризована манера письма и индивидуальный стиль биографов. Обозначена проблема отсутствия научной биографии М. Ю. Лермонтова.

К л ю ч е в ы е с л о в а: биография; контекст; интерпретация; научность.

Биография поэта — жанр сложный. Биограф должен не только представить фактическую, событийную ткань жизни художника, но и обозначить «силовые линии» судьбы, уловить созвучие бытия поэта-классика и жизни современного читателя, преодолеть фрагментарность психологического, исторического, культурного контекста. В статье «Проблемы биографии А. С. Пушкина» И. Сурат определяет своеобразие жизнеописания поэта следующим образом: «Биография — не литературный или научный жанр. Это особая область гуманитарного знания, область исследования и творчества, предметом которой является “личная жизнь человека” во всей ее событийной полноте и внутренней глубине и сложности — жизнь как целое, как нерасторжимое многообразное единство» [Сурат, с. 44].

Задача биографа — удержаться на тонкой грани между мифом и фактом, представить «в словах данную чудесную личностную историю» (А. Ф. Лосев) и в то же время дать возможность современному читателю понять и прочувствовать другую эпоху. В изложении фактов, в сцеплении эпизодов биографии, в привлекаемом историческом, культурном, литературном контексте неизбежно проявляются как интересы биографа, так и запросы эпохи.

В юбилейные для поэта годы интерес к его личности обостряется, появляются новые варианты жизнеописаний. К 200-летию со дня рождения М. Ю. Лермонтова было издано несколько биографий поэта. Возникло закономерное желание рассмотреть, какой образ поэта предлагают нам современные исследователи. Так определилась задача данной работы — понять, каков он, Лермонтов нашего времени?

Предметом исследования являются книга Аллы Марченко «Лермонтов: под гибельной звездой» (М. : АСТ, 2014), издание большой серии ЖЗЛ «Лермонтов: один меж небом и землей» Валерия Михайлова¹ (М. : Молодая гвардия, 2013) и вышедшая в малой серии ЖЗЛ биография «Лермонтов: мистический гений» Владимира Бондаренко (М. : Молодая гвардия, 2013).

Факты биографии поэта неизменны: родился в ночь со 2 на 3 октября 1814 г. в Москве; 28 января 1837 г., узнав о дуэли А. С. Пушкина, написал первые 56 строк

¹ В 2011 г. этот вариант лермонтовской биографии был издан ЭКСМО и назывался «Лермонтов. Рокковое предчувствие».

«Смерти поэта»; 15 июля 1841 г. между 6 и 7 часами вечера был смертельно ранен на дуэли с Мартыновым у подножия горы Машук в Пятигорске...

Интерес представляют не столько факты, сколько их интерпретация. Биографию роднит с художественными произведениями активность авторской концепции, образность, метафоричность — у каждого свой Лермонтов. Обращаясь к размышлениям о поэте, авторы биографий единодушно признаются, что их притягивает *тайна поэта*, а ключевым мотивом работы является желание «разобраться» в ней.

Пафос исследования Валерия Михайлова определяется формулой «небо — родина, земля — изгнание». Главная тема размышлений биографа — история души, которая, осознавая свою небесную природу, вынуждена страдать в земных оковах и прикрываться масками, чтобы окружающим не раскрылась тайна ее страданий.

Сам будучи поэтом, биограф обрамляет повествование о жизни и смерти Михаила Юрьевича Лермонтова лирическими фрагментами, в которых, можно предположить, выражает себя душа исследователя, настраиваясь на разговор о небесной природе души гения: «И тогда сверкали огромные темные глаза мальчика: душа его сполна отдавалась стихии, жадно напитывалась и ее лаской и негой, и ее гневом и мощью...» [Михайлов, с. 7].

В этом варианте биографии очень часто и большими фрагментами цитируются тексты Лермонтова, достаточно подробно охарактеризовано творчество поэта. Автор выстраивает сквозную антитезу «жизнь — творчество»: бытовое поведение поэта может не соответствовать представлениям о морали, в то время как в творениях выражает себя наиболее полно душа.

Первая глава биографии «Песнь ангела» задает музыкальный лейтмотив всему повествованию: душа поэта будет на своем трудном и многострадальном пути вслушиваться в музыку небесных сфер, пытаясь восстановить детское ощущение чуда и гармонии.

Детское ощущение счастливой жизни биограф выражает в рассказе о младенческом восприятии будущим поэтом пения матери; мотив разочарования в том, что чудесное не живет на земле, звучит в размышлениях о попытках молодого Лермонтова обрести гармонию в любви; ключом к биографии поэта для исследователя становятся строки «Моя душа, я помню, с детских лет чудесного искала...»; формулой открывшегося «космического» видения мира — стихотворение «Выхожу один я на дорогу...».

Пристальное внимание биографа обращено к детским годам Лермонтова и ранним его произведениям. С одной стороны, приводятся известные факты: визит с бабушкой на Кавказ, трагедия сына, разлученного с отцом, роман с Екатериной Сушковой. С другой стороны, подчеркивается символическое значение черного, золотого и красного цветов на гербе рода Лермонтовых, звучит мотив просыпающейся в борьбе с препятствиями, чинимыми судьбой, духовной и душевной мощи, жаждающей действия. Повествование о жизни поэта реализуется в романтико-героическом ключе.

Сквозной метафорой в размышлениях о жизни и судьбе поэта становится образ медленно возгорающегося, а затем ярко вспыхивающего пламени: «То, что искрилось, медленно занималось, как пламя, в отроке Лермонтове, в глубине его

души, не видимое никому и, может быть, ему самому непонятное, вдруг разом вспыхнуло и стало разгораться с невиданной силой» [Михайлов, с. 71]. «Его существо — огонь. Стихия огня уже захватила его душу, и этот внутренний пламень непомерной плотности и жара не только полет воображения, но и сила мысли» [Там же, с. 125]. «Большой огонь обновляет душу. Все сорное, суетное, случайное, лишнее — сметается им, выжигается напрочь. При всех фактических и художественных издержках “Смерть поэта” — по дыханию, по напору пламени — явление *большого огня*» [Там же, с. 340].

Эта огненная стихия, родственная истинной жизни души поэта и ее определяющая, по мнению биографа, была скрыта от окружающих под масками беспечного гуляки-гусара, мрачного демона, отчаянного воина.

Обманутые светскими ролями поэта, его современники не могли постичь работу скрытой от всех мысли и духовной работы «истинного рыцаря Богородицы».

М. Ю. Лермонтов, с точки зрения В. Михайлова, был вечным странником и героем, бросающим вызов судьбе. Этими же чертами были наделены и его любимые персонажи: Мцыри, Демон, Печорин. Как и автор, они обладали мощной духовной энергией, которая обращалась для окружающих в энергию разрушения, т. к. была несоизмерима с ними. Приведа отзыв великого князя Михаила Павловича о поэме «Демон» («Я только никак не пойму, кто кого создал: Лермонтов — духа зла или же дух зла — Лермонтова»), В. Михайлов рассуждает о том, что лермонтовский Демон загадочен и странен: это демон «не дьявольского происхождения», который хочет примириться с небом, обаятельный и загадочно притягательный. «Все — не столько поняли, сколько почували в “Демоне” *нечто*: непонятную власть, обаяние и влекущую силу. Это *нечто* не принадлежало ни небу, ни земле — но было *и небом, и землей*» [Там же, с. 388].

Энергия вызова судьбе проявлялась и в участии Лермонтова в двусмысленных интригах светской жизни, и в отчаянных схватках с горцами на Кавказе, и в создании стихотворения «Смерть поэта».

Историю дуэли Лермонтова, как и историю дуэли Печорина в романе «Герой нашего времени», В. Михайлов рассматривает как своеобразный спор с Богом: «Лермонтов не мог не понимать, что в своем вечном споре с Богом он испытывает Его терпение и рискует жизнью. Береженого Бог бережет — это знает каждый. Однако поэту, похоже, хотелось знать больше: а бережет ли Бог того, кто не желает беречься? Он был готов принять то, что ему велено, поэтому и жил мгновением» [Там же, с. 517].

История жизни поэта предстает как путь «великой, космичной и неоглядной» [Там же, с. 461] души, в которой разворачиваются мощные силы. Обретая дар предвидения, Лермонтов мужественно принимает судьбу, осознавая свою великую миссию. Правда, говоря о миссии небесной души на земле, биограф ограничивается общими фразами о символе нации и сердце народа.

Заканчивается биография музыкальным аккордом лирических фрагментов «Черешневая ветка» и «Навстречу вечному свету». «Ударил ливень, и косые белесые полосы омывали запрокинутое лицо, и глаза, и руки. И раскрытую в вороте рубашки грудь. А навстречу струям дождя изнутри била его кровь, и, смешиваясь с небесной влагой, со слезами, скатывающимися по лицу, лилась

на траву, на землю. Кровь уже была ему не нужна, без нее становилось только легче, свободнее, невесомее...» [Михайлов, с. 612].

Если в жизнеописании М. Ю. Лермонтова, выполненном Валерием Михайловым, доминирует лирический пафос, то пафос биографии поэта в исполнении Владимира Бондаренко можно назвать публицистическим.

В повествование активно включаются комментарии по поводу сегодняшней социальной и политической жизни России. «Если уж наш президент Владимир Путин в напряженный для него момент со слезами на глазах читал строки Лермонтова, может, он и посоветует настойчиво своим олигархам щедро помочь в проведении лермонтовского двухсотлетия» [Бондаренко, с. 25]. Биограф то требует заняться восстановлением и развитием усадьбы поэта в Тарханах, то призывает провести генетическую экспертизу для установления точного отцовства поэта и развенчания неграмотных домыслов, то предлагает организовать новое судебное расследования обстоятельств гибели Лермонтова с привлечением последних открытий криминалистов.

Мы узнаем не только о фактах биографии великого поэта, но и о процессе работы биографа: В. Бондаренко подробно рассказывает о своих экспедициях в Шотландию и Чухлому, о посещении замков Дерси и Балькоми, возможно, связанных с историей рода Лермонтов, и о знакомстве с одним из потомков Лермонтова, тоже Михаилом Юрьевичем, у которого не хотели принимать документы в техникум. Интонационно эти фрагменты напоминают путеводитель для туристов и только далекими ассоциациями могут быть связаны с биографией русского поэта: «Уже в наши дни, в 1996 году развалины замка были куплены на Интернет-аукционе состоятельной семьей из Тайваня, шотландцем Кристофером Раффлом и его женой, по происхождению японкой. По старым чертежам они заново отстроили древний замок» [Там же, с. 43]. «Я пишу эти строки на греческом острове Родос — в окружении фигурок Гомера и Сократа в международном писательском центре. Думаю, тут явно не хватает скульптурного изображения Михаила Лермонтова, которого греческие писатели почти не знают. А разве в поэме “Корсар” он не воспевал свободу Греции?» [Там же, с. 135].

Основной тезис, предьявляемый В. Бондаренко, как ни странно, не касается мистических прозрений и непознаваемой тайны поэта, хотя именно это можно было бы ожидать («мистический гений»).

В подтверждение мистического характера судьбы русского гения исследователь дает развернутую биографию шотландского Томаса Рифмача, к которому восходит род Лермонтовых. Заодно читателю предлагаются путевые заметки о Шотландии Лермонтова, замке Балькоми и могиле Оссиана. Мистический характер лермонтовского творчества объясняется, в частности, тем, что поэт интуитивно ощущал свои древние корни, поэтому и любил Кавказ как напоминание о горах Шотландии («Мое сердце в горах»). Очень подробно пересказываются легенды о Томасе Рифмаче, который от королевы фей получил яблоко. Съев его, он был обречен предвидеть будущее и говорить правду, какой бы горькой она ни была. Упоминается пророчество Томаса о том, что он когда-нибудь вернется на землю молодым, и опять коснется арфы, и опять будет писать стихи. Михаил Лермонтов в этом случае воспринимается как реинкарнация духа великого шотландца.

С другой стороны, один из заключительных выводов В. Бондаренко звучит так: «М. Ю. Лермонтов — первый воистину русский поэт. Поэзия Александра Пушкина всегда носила более всемирный, всечеловеческий характер. В Михаиле Лермонтове, при всем его изначальном байронизме, более глубоко сидело русское начало» [Бондаренко, с. 554]. Поэтому вслед за размышлениями о шотландском «генетическом коде» Лермонтова следуют отчеты о результатах изысканий в обнаружении чухломских корней поэта по линии отца. В. Бондаренко создает вторую часть путевых заметок о посещении Чухломы в Костромской области и Покровского Авраамиева Городецкого мужского монастыря, где был захоронен один из предков Михаила Лермонтова Георг Лермонт.

Надо сказать, В. Бондаренко впервые предлагает самый полный очерк, посвященный родственникам М. Ю. Лермонтова по отцовской линии, и подчеркивает, насколько важными для поэта и его отца были родственные связи. Подчинившись диктату Елизаветы Арсеньевой, Юрий Лермонтов принес в жертву будущему своего сына возможность общаться с ним и передавать родовые традиции. В. Бондаренко полагает, что именно разрыв с отцом обрек поэта на гордыню и одиночество.

Прослеживая жизненный путь поэта, В. Бондаренко обращает особенно пристальное внимание на те тексты и эпизоды биографии, в которых проявилась «русскость» его души. Кстати, в одной из первых глав Лермонтов в связи с этим назван «светлым предвестником» С. Есенина. Стихотворения «Бородино», «Родина», поэма «Песня про купца... Калашникова» противопоставляются «Мцыри» и «Демону», т. е., по замыслу биографа, раскрывают «земной» план лермонтовского поэтического бытия, отражение в его творчестве процесса становления национального самосознания. В интерпретации биографа и юнкерские поэмы интересны и необходимы именно обращенностью к «земному началу».

Демон становится героем, позволившим показать «вершины» мира, масштаб русской души, «космическую энергию» творчества: «Разве с таким поэтом Россия не должна была первой повернуться к космосу, если весь космос внимал святой песне Михаила Лермонтова? У Лермонтова человек уже совершенен, он прошел уже свое прошлое, перед ним лишь настоящее и будущее, и он готов увидеть новый мир, готов познать его, полететь ввысь» [Там же, с. 329].

В этом ключе роман «Герой нашего времени» преподносится как «манифест победителя, сумевшего пройти все препятствия в своей запутанной жизни» [Там же, с. 379]. Печорин воспринимается как герой невероятной силы, которая не может найти в обществе должного применения: «Григорий Александрович Печорин завораживает читателей своей воистину богатырской силой, он покоряет всех, но дальше-то что ему делать с покоренными? Не знает... Таким же богатырем был и сам Михаил Юрьевич Лермонтов. Несостоявшимся народным богатырем» [Там же, с. 402].

В изображении истории дуэли и смерти Лермонтова В. Бондаренко следует за Э. Герштейн, выражая свое согласие с ней и воспроизводя логику ее рассуждений, несколько укрупняя фигуру Мартынова: «Стоял ли кто за Мартыновым? Так ли это важно? Он сам хотел убить на его глазах выросший русский талант.

Кто бы из каких кругов его ни науськивал на эту дуэль, Мартынов сам с большим желанием сделал свое черное дело» [Бондаренко, с. 544].

Завершает свое повествование биограф размышлениями о смерти и бессмертии поэта, сопоставляя его с Сергеем Есениным по музыкальности стиха и обладанию естественным песенным слогом: «Сам он слился с душой вселенной, и уже наше русское небо над головой доносит нам его вечные чарующие звуки» [Там же, с. 557].

Свою задачу биограф видит в том, чтобы напомнить современным читателям о забытом и несправедливо унижаемом, как он считает, русском поэте. Фактами, свидетельствующими о неуважении к памяти великого поэта, биограф считает, в частности, снос в годы перестройки дома, где поэт родился, и переименование станции метро. Поэтому возникает ощущение, что биограф защищает своего героя не только от не понимающих его величия современников, но и от потомков, не воздающих должных заслуг великому русскому поэту.

С размышлений о том, что М. Ю. Лермонтов — лишний поэт для сегодняшней России, начинается своя книга Алла Марченко. Она посвящает ее «тайному» (почти масонскому) ордену «лермонтистов», рассеявшемуся после смерти Великого Магистра — Ираклия Андроникова. Тексту предпослан своеобразный эпиграф — «Молитва» Лермонтова 1829 г. («Не обвиняй меня, всесильный...») как намек на некое тайное знание, раскрывающееся только посвященным.

Повествование о судьбе Лермонтова А. Марченко включает в объемный историко-культурный и литературный контекст. Очень развернуто представлено рассуждение о роде Столыпиных, Ростопчиных, подробно пересказаны «затеи» Михаила Васильевича Лермонтова — деда поэта (смерть в костюме могильщика из «Гамлета»), даны развернутая характеристика хозяек и посетителей салона Карамзиных, подробные комментарии к увлечениям поэта, в частности, переживания Марии Штерич-Щербатовой, рассказана история службы П. Х. Граббе, дана оценка деятельности генерала Ермолова, в лицах изображена история чтения произведения Лермонтова членами императорской семьи и т. д. В результате история жизни Лермонтова обогащается эмоциональными зарисовками эпохи, где часто скрытыми пружинами поступков человека становились стремление к власти, честолюбие, карьеризм. Основной «нерв» биографии Лермонтова строится на парадоксальном противопоставлении двух устремлений поэта: к постижению таинств духа и к ощущению полноты бытия. «Демон поэзии» властно выталкивал его из домашнего круга в действительную жизнь, чтобы там, в самой гуще «существенности», он нашел средства выполнить свою писательскую миссию: постигнуть «течение века»» [Марченко, с. 283].

Размышления о жизненном пути Лермонтова строятся ассоциативно. А. Марченко находит переклички и «рифмы» в произведениях поэта, его современников (Е. Боратынского, В. Одоевского, Ф. Тютчева) или поэтов других эпох (А. Блока, А. Ахматовой), комментирует эти аллюзии и реминисценции, предлагая оригинальные интерпретации, оспаривая традиционные толкования лермонтовских произведений.

Например, вспомнив, что В. Г. Белинский назвал стихотворение Лермонтова «Родина» «пушкинским», А. Марченко предлагает противоположную трактовку:

«“Родина” — вещь антипушкинская». «Пушкинская деревня словно бы выросла ногами в скудную землю, у Лермонтова ночующий в степи обоз вносит в образ отчизны мотив “вечного кочевья”; у Пушкина серенький день, у Лермонтова росистый вечер, у Пушкина будни, у Лермонтова праздник...» [Марченко, с. 214]. В. Г. Белинский в трактовке А. Марченко предстает резким, не понимающим сути произведений Лермонтова, поспешным в суждениях и выводах критиком. Прочитав предисловие к роману, появившееся во втором издании «Героя нашего времени», критик, с точки зрения А. Марченко, так обиделся, что «даже на смерть Лермонтова отозвался так, как будто где-то тут, неподалеку, за углом бездомники ненароком пришибли околоточного: “Вот тебе несколько известий. Лермонтов убит наповал на дуэли”» [Там же, с. 566].

Алла Марченко очень пристрастна. Она не оглядывается на существующую традицию интерпретаций и толкований лермонтовских произведений и фактов биографии. Марченко предлагает их прочитать как бы заново. При этом «новом» взгляде обнаруживается, что Кавказ во времена Лермонтова становился местом службы для тех, кто хотел быстро сделать карьеру, и поэтому Печорин был переведен на Кавказ не за дуэль, а за какую-то светскую историю. Основную причину дуэли Лермонтова и Мартынова она видит в том, что Лермонтову была известна слава Мартынова-шулера (шулером был и его дядя), и он грозил эти сведения предать огласке или сделать предметом насмешек. В целом следуя логике Э. Герштейн, современный биограф идет дальше.

Создавая у читателя эффект присутствия, А. Марченко часто прибегает к приему несобственно-прямой речи, передавая ощущения поэта, его бабушки, родственников, друзей, светских приятелей, сослуживцев. Приводя мнение современника о красоте Елизаветы Алексеевны Арсеньевой, А. Марченко дает такой комментарий: «Кем была госпожа Арсеньева прежде? Женой нелюбимой при непутевом муже. Вдовой самоубийцы. На позор и осмеяние выставленной. Тюремщицей при больной и несчастной дочери. Сквалыгой при никудышном зяте. И вот дотерпелась до торжества: внук в бабке души не чает. И нужна, и любима» [Там же, с. 117].

Знакомаясь с биографией Лермонтова в исполнении А. Марченко, читатель нередко ловит себя на мысли о том, что автор не договаривает самого главного. Фигура Лермонтова постоянно исчезает из фокуса изображения. Ее оттесняют другие персонажи, события, ассоциации, комментарии. Тайное знание таким и остается. Вместо эпилога автор приводит шесть новелл, соединяющих современников поэта в некий тайный орден. Вот отнялись ноги у Елизаветы Арсеньевой. Вот молится Мария Щербатова. Вот Евдокия Петровна Ростопчина, преодолевая смертельный недуг, сочиняет письмо Александру Дюма, собирающемуся писать роман о Лермонтове...

Новые биографии М. Ю. Лермонтова не претендуют на открытие абсолютных истин о поэте. Авторы часто ссылаются на труды П. А. Висковатого, С. Н. Дурылина, Н. А. Котляревского, И. Л. Андроникова, Э. Г. Герштейн, статьи критиков и поэтов Серебряного века. Рассуждения о небесной природе души Лермонтова, его патриотизме и оригинальности, приводящей к непониманию, новаторскими назвать сложно. Но все работы объединены изначальной установкой, что имя

и творчество Лермонтова утратило былое значение. Задача, стоящая перед биографами, — вернуть Лермонтова читающей и думающей России, возобновить интерес к его биографии и творчеству.

Всеми авторами проделана грандиозная работа. И в то же время нельзя не заметить, что созданные биографии — научно-популярные, они не снабжены необходимыми ссылками и сносками, комментариями и примечаниями. Это «писательские» варианты жизнеописания Лермонтова, в которых иногда на первый план выходит личность самого биографа, взволнованно и пристрастно размышляющего о судьбе поэта в России.

В послесловии своего исследования «Судьба Лермонтова» Э. Г. Герштейн заметила, что неверное представление о биографии поэта оказывает влияние на понимание его творчества. Она пожелала новому поколению исследователей много находок и неожиданных открытий, но и сегодня можно отметить, что создание современной научной биографии М. Ю. Лермонтова — задача, которая по-прежнему ждет своего исполнителя.

Бондаренко В. Г. Лермонтов: Мистический гений. М., 2013. 574 с. (Жизнь замечательных людей: Малая серия: сер. биогр.; вып. 50). [Bondarenko V. G. Lermontov: Misticheskiĭ genij. M., 2013. 574 s. (Zhizn' zamechatel'nyh ljudej: Malaja serija: ser. biogr.; vyp. 50).]

Герштейн Э. Г. Судьба Лермонтова [Электронный ресурс]. URL: <http://feb-web.ru/feb/lermont/critics/ger/ger-001-.htm> (дата обращения: 01.10.2014). [Gershtejn Je. G. Sud'ba Lermontova [Electronic resource]. URL: <http://feb-web.ru/feb/lermont/critics/ger/ger-001-.htm> (mode of access: 01.10.2014).]

Марченко А. М. Лермонтов: под гибельной звездой. М., 2014. 600 с. [Marchenko A. M. Lermontov: pod gibel'noj zvezdoj. M., 2014. 600 s.]

Михайлов В. Ф. Лермонтов: один меж небом и землей. 2-е изд. М., 2013. 618 с. (Жизнь замечательных людей: сер. биогр.; вып. 1434). [Mihajlov V. F. Lermontov: odin mezh neбом i zemlej. 2-e izd. M., 2013. 618 s. (Zhizn' zamechatel'nyh ljudej: ser. biogr.; vyp. 1434).]

Сурат И. Проблема биографии Пушкина [Электронный ресурс]. URL: <http://feb-web.ru/feb/pushkin/critics/sur/sur-038-.htm> (дата обращения 01.10.2014). [Surat I. Problema biografii Pushkina [Electronic resource]. URL: <http://feb-web.ru/feb/pushkin/critics/sur/sur-038-.htm> (mode of access: 01.10.2014).]

Статья поступила в редакцию 03.10.2014 г.